

Алла Плотникова
Стас Серов

В учительской

В учительской

В учительской-12. Преступление ушедшего века-2

Жанр произведения: Проза

[Произведение написал автор BookVox Алла Киселева](#)

[Ссылка на публикацию](#)

Сумма была небольшая, да и попались ребята в первый раз, поэтому суд дал им всего по полтора года. Если до этого у Сергея иногда ещё возникали сомнения на свой счёт, то в колонии ему быстро и доходчиво объяснили, кто он по жизни. Спустя год из колонии Сергей забирал с собой пару перстеньков, множество полезных знакомств и навыков, чёткое понимание преступной иерархии и своего места в жизни.

Со всем этим багажом он и вышел на волю, где опробовал, а затем и отточил новоприобретённые знания. Оказалось, что имея нужные знакомства и знания, деньги зарабатывать совсем не трудно и даже весело. Сергей больше не считался с мнением социума, он был сформированным, ни от кого не зависящей личностью. Более того, он презирал живущих по закону и работающих за копейки людей. Называл их овцами, терпилами или лохами и не считал зазорным, при необходимости, стащить с одного из лохов дублёнку. Но одиночество, чувство собственной неполноценности, беззвучно, изо дня в день, всё же терзали Сергея. И только в мутном веселии алкоголя он мог жить, не испытывая страданий. Вскоре алкоголь сменился наркотиками. В свои семнадцать лет Сергей запросто мог окончательно старчаться и незаметно сдохнуть в каком-нибудь из шалманов. К этому шло. Но на этот раз суд и последующее заключение — стали спасительными...

Спустя три года Сергей вновь выходил на волю с багажом из татуировки в виде паука, раскинувшего свою сеть на плече, куполов на груди и ещё нескольких перстеньков, но с желанием отойти от преступной жизни и покончить с зависимостями. По совету одного из тюремных знакомых он отправился в Казахстан в монастырь, где якобы помогали таким, как Сергей — бродягам — обрести покой и Бога. Два месяца он работал в монастыре, который по факту был обычной фермой, находящейся неподалеку от старой казацкой часовни, где после рабочего дня и молились бедолаги. Но в степи тоже есть бродяги, и один из них, Колёк, предложил уже уставшему от тяжёлой работы и скотской жизни Сергею раскумариться. Уже через пару дней он вместе со старинным колоколом с часовни пропал из монастыря. И теперь уже с новым кентюриком колобродил не на Урале, а на границе Казахстана и России.

Восемь лет прошло с тех пор, как он со своими школьными друзьями, такими же, как и он, затравленными пацанами, не осознавая суровости законов, подломил школьный буфет. Половину из этих восьми лет Сергей провёл за колючкой, вторую половину в мутном мареве алкоголя и наркотиков. Теперь он уже не обносил буфеты, а специализировался исключительно на квартирах, и сейчас, впервые с тех времён, в чужой квартире с повисшими на руках операми, хрипя, словно висельник, с ненавистью вспоминал тот буфет и учительницу биологии Галину Николаевну и про себя проклинал её и в душе клялся: во что бы то ни стало придушить гадюку.

В этот раз Сергей выходил спустя пять лет и снова с багажом из перстеньков, куполов и прочих не дешёвых украшений, но и взамен пришлось оставить половину зубов. Годы ширева и годы заключения давали о себе знать. В двадцать семь лет Сергей считал, что жизнь уже подходит к концу и жил как никогда ранее, отчаянно. Колёк с удовольствием составлял ему компанию. И уже скоро они вместе уехали бы за решётку, но за день до кражи компьютеров, Сергей на своей «Тайоте Марк 2», взял на бордаж Газельку. И Колёк отправился отдыхать на нарах один, а Сергей, весь переломанный и изрезанный, остался, и в протяжении следующих полутора лет, прикованный к больничной кровати, гадил под себя. И возможно, сгнил бы в собственных фекалиях, но участливая медсестра, Марина, не брезгуя испачкаться, внимательно ухаживала за подопечным. Сергей был не единственным, о ком она заботилась, но почему-то, каждую свободную минуту, Марина старалась проводить рядом с ним, с худым, голубоглазым, измалёванным татуировками мужчиной. Впервые в жизни Сергею не хотелось закрыться в себе, наоборот, душа его жаждала открыться перед этой пухлой, доброй медсестричкой, и он рассказывал ей обо всём, а она – ему, делились друг с другом болью, а затем радостью. Сергей, с помощью Марины, залечил свои раны... неизвестно, какие были глубже: душевные или физические. А затем они вместе вернулись в родной город Сергея, где и поселились в доме, который когда-то принадлежал его родителям.

Обо всём этом математик не знал, он поведал коллегам только о внешнем и о том немногом, что ему рассказал сам Сергей.

– Так что не переживайте, Галина Николаевна, у него и жена есть, Марина, кажется, зовут и две дочки. Седой уже наш ученик. А вы что думали? Больше двадцати лет прошло. – О том, что лицо Сергея украшает огромный шрам, математик умолчал, не желая тревожить впечатлительных учительниц: – Целая жизнь миновала, и только мы ежедневно, здесь, в учительской, как говорит Сергей Бобунец, «вечно молодые...», сеем разумное, доброе, вечное. – Математик хмыкнул и закончил на этом свой рассказ.

А учителя, пока не прозвенел звонок, принялись за обсуждение новой темы, затем разошлись по своим кабинетам в ожидании очередной перемены.